

Зеркало
памяти

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА

Не унывай!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И21

Дизайн серии Андрея Фереза

Дизайн обложки Яны Половцевой

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива автора и Киноконцерна «Мосфильм»

Издательство благодарит за помощь в работе над книгой
Анастасию Левчук, Людмилу Некрасову, Дмитрия Томилина

Составление, предисловие и пояснения *Ивана Миляева*

Послесловие *Елизаветы Миляевой*

Иванова Людмила Ивановна

И21 Не унывай! — Москва: Издательство АСТ, 2023. —
336 с.; ил. — (Зеркало памяти).

ISBN 978-5-17-155315-9

Кто не знает Шурочку из фильма Э. Рязанова «Служебный роман»? А Клавдию Матвеевну из картины Г. Бежанова «Самая обаятельная и привлекательная» с ее неизменной фразой «Настойчивость и инициатива в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях!»? И пусть ее героини не были главными, но именно такие роли сделали Людмилу Иванову всенародно любимой актрисой. Она была, подобно Ф. Раневской и Р. Зеленой, «королевой эпизода», привнося в любой спектакль или фильм озорные, веселые нотки. Созданные ею образы мгновенно запоминались и никого не оставляли равнодушным.

В этой книге актриса рассказывает о работе в театре «Современник», в котором играла почти шестьдесят лет, о своей жизни и уникальной семье, об известных актерах, о преподавательской и режиссерской деятельности.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155315-9

© Иванова Л.И. (наследники), 2023
© Миляев В.А. (наследники), 2023
© Миляев И.В., составление,
предисловие, пояснения, 2023
© Миляева Е.И., послесловие, 2023
© Киноконцерн «Мосфильм»
(кадры из фильмов)
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вместо предисловия

Так получилось, что мои дедушка, папа и мама работали на самых передовых рубежах науки и культуры в Советском Союзе 20-го века. Дедушка был известным полярником, участником спасательной экспедиции итальянцев на ледоколе «Красин». Теперь на севере есть небольшой остров, названный в честь Ивана Маркеловича Иванова.

Папа работал в лучшем институте физики, а его руководителем был Александр Прохоров, удостоенный Нобелевской премии за изобретение лазера. Много лет папа был активным участником бардовского движения и написал песню «Приходит время», которая стала песней века. Ее поют почти у каждого костра и исполняют в Кремлевском дворце съездов. Шуточная опера «Архимед», написанная им совместно с Валерием Канером, более пятидесяти лет идет на физфаке МГУ и была отмечена самим Нильсом Бором.

Мама пятьдесят девять лет играла в театре «Современник» — одном из самых ярких театров страны, создала театр «Экспромт», написала десятки популярных песен, шестнадцать пьес и пять книг, снялась в фильме «Служебный роман» — очень знаменитой и знаковой картине. Кстати, по этому фильму в Китае учат русский язык и знакомятся с советским образом жизни.

Людмила Иванова — народная артистка. У нее есть уважаемое почетное звание, но еще важнее народная любовь и признание, которые были при жизни. И сейчас, спустя некоторое время после ее ухода, эта любовь не ослабевает. Ко мне обращаются знакомые и незнакомые люди, часто самых простых профессий: поварахи, гардеробщицы и особенно сотрудницы бухгалтерий с просьбой провести вечера памяти, подарить ее диски и книги. Такие вечера уже прошли во всех ее любимых библиотеках и даже в Русском доме в Италии. Но очередь на них только растет. Студенты ее последнего выпуска Института театрального искусства под руководством Иосифа Кобзона поют мамины песни. В вечерах памяти принимают участие артисты театров «Эспромт» и

«Современник», близкие барды и композиторы. Всегда неизменный успех, слезы об утрате и исполнение хором любимых песен.

Есть еще 87 фильмов, многие из них периодически показывают. Конечно, «Служебный роман», «Самая обаятельная и привлекательная», «Небеса обетованные»... К счастью, Центральное телевидение успело снять часть спектаклей «Современника»: «Обыкновенную историю», «На дне», «Вечно живые». После их показа тут же в моей квартире раздаются звонки знакомых, которые с удовольствием встречаются с мамой на экране.

Друзья, коллеги и ученики мамы выразили искреннее желание написать о ней воспоминания. Тексты эти пронизаны благодарностью, уважением и любовью к талантливой, уникальной актрисе и удивительному человеку Людмиле Ивановой. Огромное всем спасибо — строки вашей доброй памяти органично дополняют книгу.

*Иван Миляев
заслуженный художник РФ,
почетный академик РАХ РФ,
профессор*

Детство

У меня было вкусное детство. Я жила летом на даче, у бабушки, и там около магазина — сельмаг, такой простой деревенский магазин — около него стояла мороженщица и продавала мороженое, но не такое, как сейчас. Мороженое укладывалось в такую кругленькую формочку на ножке. Сначала на дно формочки клали круглую вафельку, потом мороженое, второй вафелькой оно накрывалось, а потом, как куличик в песочнице, опрокидывалось на тарелочку. Самая маленькая стоила три копейки, побольше — пять копеек, и десять копеек — еще побольше. И можно было лизать между вафелек, а потом съесть и вафельки тоже. После войны мороженое возникло снова — это было возвращение мирной жизни, такое вот счастье.

Мой папа полярник, и друзья его были полярники. Адмирал Гаккель, я помню, приезжал из Ленинграда. У нас не было телефона, он приходил, убеждался в том, что мы дома, говорил: «Я скоро приду», — и через полчаса возвращался с большим пакетом «Мишек».

Я очень любила слушать разговоры взрослых. Тогда большими компаниями не собирались — это было опасно. Люди иногда доносили друг на друга, и потом кого-то арестовывали... Мой папа был ученым секретарем в спасательной экспедиции на ледоколе «Красин». Конечно, люди, участвовавшие в этой экспедиции, стали одной семьей и долго дружили.

Из вкусного я помню, как ни странно, Пасху. Мой отец был членом партии, и дядя, муж моей тетки, тоже, но на Пасху вся семья собиралась в доме у бабушки, в Лосиноостровской. Меня привозили туда заранее, и мы с бабушкой пекли куличи, самые разные: шафранные, ванильные, с изюмом, с цукатами. Это было священнодействие! У бабушки была красивая форма для пасхи, 4 дощечки с вырезанными крестами и узорами, и бабушка сама делала пасху. А яйца она красила в разные цвета, потому что у нее еще со вре-

мен НЭПа осталась заграничная краска. Обязательно была на столе ветчина, и я помню, как однажды бабушка зарезала поросенка. Это был мой любимец Снежок, и для меня это стало настоящей трагедией. С тех пор не ем поросят...

Все родственники садились за стол, и даже детям в маленькие граненые рюмочки наливали кагор, а перед иконой горела лампадка — дедушка был очень набожным. Конечно, все были нарядно одеты, а какое же нарядное платье было у меня? Матроска! Настоящая матроска с воротником. Тогда почти у всех детей выходным костюмом была матроска. И когда я из одной выросла, мама где-то достала вторую, ездила, в очереди стояла. Почему-то морская тема вообще присутствовала в костюмах, у мамы тоже было платье с вышитым якорем на карманчике. Я до войны моря никогда не видела, но после рассказов полярников мне представлялось огромное синее пространство и красивый белый корабль.

И еще, конечно, довоенное время — это мои походы с мамой в кино. Замечательные были фильмы, может быть, иногда и наивные, но такие патриотические, геройские, которые нас учили и звали на стройки. Мы с мамой смотрели «Девушку с характером», и мне очень нравилась героиня — мне было приятно, что ее фамилия тоже Иванова. Фильм нас всех звал ехать на Дальний Восток. А еще был фильм «Истребители», и я так переживала за летчика, который ослеп, и там была замечательная песня, которую пел Бернес. Это все было о личностях очень справедливых, добрых, фильмы были высоконравственными, и я на них воспитывалась. А перед войной вышел «Светлый путь». Мы долго ждали этот фильм, тогда в витринах кинотеатров вывешивали фотографии фильма, который скоро выйдет на экраны. «Светлый путь» очень долго не выпускали, говорили, там были какие-то переделки, и мы боялись, что фильм вообще не выйдет. Но наконец он вышел! Это была история советской Золушки, красивая сказка.

Мама ходила в кино, как на праздник, всегда надевала красивое платье — она вообще была модной женщиной. Она не работала и ходила со мной утром на десятичасовые сеансы, поскольку вечером ее с ребенком бы не пустили, и я переживала все это, а чего не

понимала, она мне объясняла. И к началу войны, когда мне было восемь лет, я уже была очень взрослым, по-моему, человеком.

Фильм «Трактористы» мы смотрели несколько раз. Замечательный фильм, который оставил глубокий след в моей детской голове. И конечно, этот фильм любили все. Ладынина и Андреев — боже мой, какие артисты! И Крючков — конечно, этот всеми любимый артист был героем тогда, он был моим идеалом, был таким надежным.

В детстве я была крайне недисциплинированным ребенком: «загуливалась» во дворе, приходила позже, чем мне было разрешено, уходила куда-нибудь далеко от дома. И не то чтобы я злостно это делала, нарочно — нет, просто не понимала, почему нельзя.

Однажды лет в шесть я ушла со двора на запретную территорию, в городок — общежитие консерватории и театральных вузов на Трифоновской улице. Заигралась с подружками в классики. Они уже убежали домой, а я все прыгала. Подходит ко мне женщина с коляской.

— Девочка, погуляй с ребеночком, я в магазин сбегая, быстро. Заплачет — соску дашь, вот здесь на подушечке лежит.

— Хорошо, погуляю.

Помочь — дело благородное. Да и интересно: настоящий ребеночек в коляске! У меня-то нет ни братьев, ни сестер. Мальчик, в голубой шапочке!

Катаю коляску. Ребенок проснулся, дала соску. Очень горжусь собой: все сумела. Только что-то женщина долго не идет. Дело к вечеру, прохладно стало, а ее все нет. Вдруг бежит моя мама:

— Ты опять за свое! Ты почему со двора ушла? Что ты тут делаешь?

— С ребенком гуляю, меня женщина попросила.

— Что?! Да ты сама ребенок (я была рослая — может быть, женщины показались, что мне не шесть лет, а больше)!

Мать меня ругает, но делать нечего — гуляем с ребенком вместе. Наконец она не выдерживает и катит коляску в наш двор. Собираются вокруг женщины, начинают обсуждать: кто оставил коляску, как была одета, сколько лет. Никто ничего не видел: «Ну, ясно — подкинули! Студентка какая-нибудь! Надо в милицию!»

Ребенок начал плакать. Мама моя совсем растерялась, смотрит на меня сердито:

— Все ты!

Тут во двор вбежала растрепанная плачущая женщина:

— Где мой ребенок? Ну, слава богу!

Женщины, помню, ее ругали. Она оправдывалась:

— Я экзамен бегала сдавать. Спасибо тебе, девочка!

В общем, все радовались, конечно, что мать нашлась. Дома меня даже в угол не поставили.

В Москве мы жили на Трифоновской улице около Ржевского вокзала (теперь это Рижский вокзал). Я очень хорошо помню, как начали строиться дома на проспекте Мира, тогда это была 1-я Мещанская улица. Возводились такие большие, фундаментальные сталинские дома, и проспект Мира преображался. А мы все очень любили, когда шла стройка, потому что там выкладывали пол такими маленькими квадратными плиточками, и мы эти плиточки, конечно, воровали. У нас были целые наборы — маленьких, больших, это было настоящее богатство. Мы менялись ими и прыгали в классики, поддавая ногой эти плиточки.

А в новом доме, который стоял на углу Трифоновской улицы и 1-й Мещанской, открылись разные магазины, гастроном замечательный и магазин «Соки» — там, я помню, были стеклянные воронки с соком. Томатный был самый дешевый, стакан стоил десять копеек, а еще апельсиновый, яблочный. Я очень любила томатный. Мне давали денежку, и я сама могла купить себе стакан сока — я очень этим гордилась.

А еще рядом с этим магазином открылся книжный. И вот моя мама, которая очень следила за моим воспитанием, покупала мне все новые детские книжки, которые выходили. В то время было целое событие, когда выходила новая книжка. Помню, как мы купили «Гуси-лебеди», большую синюю книжку русских сказок. А еще мы там купили книжку, уже не помню, как она называется, — продолжение «Золотого ключика». Тогда была война в Испании, и в Советский Союз приехали дети — одни, без родителей, испанские дети. И мы все волновались, и мама мне рассказывала,

и по радио мы слышали, что для испанских детей открылись специальные детские дома. И вот в этой книжке Мальвина приезжала с испанскими детьми на пароходе в Ленинград. А потом туда прилетали Пьеро и Буратино, а Карабас тоже ехал на пароходе и вылавливал своих кукол, и в первую очередь Мальвину... Это была моя самая любимая книжка. И мы знали, что фашисты победили в Испании и что Советский Союз спас испанских детей. Таким образом дети тоже узнавали о героических событиях.

Теперешние люди совершенно не представляют, как мы жили. Большая часть интеллигенции с 1937 года побывала в лагерях, многие были расстреляны. Потом некоторые говорили, что они не знали, что творилось в стране. Я не понимаю, как это, — я знала об этом с детства. Шестилетней девочкой я однажды вошла в свой подъезд и увидела, что на втором этаже опечатаны две квартиры. В одной из них жили мои подруги, Лиля и Ирма Дрешер. Еще вчера они были здесь, а сегодня мне сказали, что их увезли в детские дома, причем в разные, чтобы они не могли общаться...

Позже, когда мы оказались в эвакуации в селе Кундравы Челябинской области, я узнала, что там был детский дом. Нас с мамой поразило тогда, что детдомовские дети очень интеллигентные, не похожие на деревенских. Они все были наголо обриты и очень старательно учились. Мы догадались, что это дети репрессированных...

Мама моя жила в постоянном страхе, она боялась милиционеров и даже старалась не смотреть на них, когда мы шли по улице, только крепко сжимала мою руку. Потом она рассказывала, что еще в Ленинграде, в бытность отца начальником геологической партии, во время подготовки экспедиции на север, на остров Шпицберген, у них в квартире произвели обыск. Пришли какие-то люди, бесцеремонно переворачивали вещи — в квартире уже было сложено обмундирование и продукты для экспедиции. Они забрали ветровки и весь запас шоколада. Сказали, что потом вернут, но, конечно, не вернули...

Гораздо позже я узнала, что многие из участников спасательной экспедиции на ледоколе «Красин», куда входил и мой отец, были

уничтожены, поскольку Севморпуть имел военно-стратегическое значение и якобы считался секретным. Первым был арестован и расстрелян Рудольф Самойлович, начальник той экспедиции. Отто Юльевича Шмидта, любимца Сталина, не тронули, но его деятельность приостановили. Как ни страшно было, но в моем доме была спрятана и до сих пор хранится фотография Самойловича.

В 1939 году отца, в то время декана факультета, уволили из пединститута и он завербовался в экспедицию в Бодайбо и оставался там до войны. Это его и спасло.

22 июня у меня день рождения. Я помню, был жаркий день на даче в Лосиноостровской. Тогда любили выносить патефоны в сады, чтобы они играли для всех, на всю улицу. Мой дядя, младший мамин брат, который был в Севморпути радистом, всю жизнь с малых лет занимался приемниками, собирал их в спичечном коробке — знаете, есть такие любители. У него был приемник, и когда бабушка уходила из дома, он его вытаскивал в сад и включал на полную громкость. Так-то она ему не разрешала, а тут он был совершенно счастлив — на всю улицу играла музыка.

И вот, помню, где-то звучат мелодии — может быть, «Катюша», может, «Люба-Люба-Любушка» или «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали»... И мы обсуждаем, кого из девочек пригласить на мой день рождения — ну, чтобы никто не обиделся, и получалось, что много, мы спорили, кого пригласить, кого нет.

А потом мы с мамой пошли за конфетами на станцию, магазин был на станции. Мы перешли через мост и вдруг увидели на платформе, где висел репродуктор, толпу народа, которая молчала. Меня это поразило, потому что все молчали, и какой-то мужской голос по репродуктору что-то говорил. Мы, конечно, сразу с мамой подошли, и я услышала какие-то очень строгие слова: «Без объявления войны...», «Напали...», «Перешли границу...». Я посмотрела на маму, а у мамы текли слезы по щекам. Еще какая-то женщина рядом всхлипнула и сказала: «Война...» Мама была такая испуганная, а я сразу подумала: «Это что же, у меня дня рождения не будет? А как же я Наташу не приглашу, она же меня приглашала, и Нину тоже... А что я знаю о войне, что такое

война?» Я начала вспоминать, что у нас весной были какие-то учебные тревоги в доме. Объявляли это по всему дому, и управдом говорил, что если вы выйдете во двор, вас могут положить на носилки и унести в медпункт — не пугайтесь, это учебная тревога. И тех, кто выходил, быстро хватали, если они не успевали убежать, клали на носилки и несли перевязывать. Противогазы даже раздали. Вот это была война для меня. И потом я вспомнила, что испанские дети без мам и пап приехали в Советский Союз, и подумала: а вдруг и нас куда-то повезут без мам и пап? И спросила маму: «А конфеты мы не пойдем покупать?» Она меня дернула за руку и сказала: «Какие конфеты? Война началась!» И мы пошли домой.

У меня была учительница русского языка, наш классный руководитель, Галина Александровна Половинкина. Я училась у нее с пятого класса. Как-то я ее расспрашивала о войне. Оказывается, она окончила 10-й класс в 41-м году. 14 июня у них был выпускной вечер. А школа их находилась рядом с музеем Васнецова, это около Садового кольца. Вроде центр Москвы, а кругом сад, и весной соловьи поют, сирень цветет, и красивый терем — музей. Был у них выпускной бал, и танцевали они вальс, кто-то играл на пианино, и патефон был, и конечно, были объяснения в любви и первые поцелуи, а 22-го июня началась война. У них была большая дружная компания, 13 человек. И все они получили аттестаты с золотой каемочкой, тогда не было золотой медали, а были аттестаты с золотой каемочкой. Когда началась война, они решили идти на фронт. Немедленно пошли в райком комсомола, а их не взяли — им не было еще 18 лет, сказали, идите домой, ждите. И вскоре они понадобились: их отправили на строительство противотанковых сооружений под Вязьму. Там было очень много школьников из Москвы и Московской области. Они срезали пологие берега речек, притоков Днепра, делали их отвесными, чтобы танки не прошли. Копали и копали; конечно, первое время кровавые мозоли на руках были и есть все время хотелось. Приезжала кухня, горячее даже давали, суп с ржовой селедкой и хлеб. Они молодые были, все выдерживали, даже пели. И так они там

работали почти до сентября. Немцы подошли уже совсем близко, каждый день были налеты, но почему-то их не бомбили, самолеты пролетали дальше, и там они слышали взрывы. И вот пришли военные и сказали, что надо немедленно собраться и идти пешком 50 километров. Предупредили, что идти придется без привала, в полной тишине, по лесам, по тропинкам. Ноги, конечно, были у всех стерты в кровь. Дошли до железнодорожной станции, с трудом сели в один из последних эшелонов и доехали до Москвы. Им повезло, им посчастливилось: их успели вывезти. А многие погибли там, потому что, по сути дела, это был фронт. Ну, а когда они приехали в Москву, то многих уже ждали повестки. И все мальчики ушли на фронт...

В войну я очень повзрослела и стала понимать какие-то важные вещи: например, в первый год войны узнала, что такое паника, одиночество, когда человек беззащитен и закон его не защищает. Это я поняла в теплушке эшелона, который увозил нас на Урал, к отцу. Он еще с довоенных времен был там в геологической экспедиции, прикомандированной к организации «Миасс-золото», которая в войну перешла на добычу циркония.

Моя крайне дисциплинированная мама сделала все как полагалось: взяла один чемоданчик, бумазейное одеяло, чайник и мое демисезонное пальто. Но уже ночью где-то на остановке начали влезать люди с перинами, подушками, швейными машинками... Кричали, ругали власть. Мама смотрела на них с ужасом, а мне стало ясно, что кроме моего дома, моей семьи есть еще страна, государство и люди, совсем по-другому настроенные, чем мы.

Когда поехали дальше, из Чкалова в Миасс, мы купили билеты в купейный вагон, на нижние полки. Но когда мы вошли, оказалось, что наши места заняты, люди нас обругали, проводник не защитил, и нам пришлось ехать на третьих, багажных полках без постельного белья.

Но мама никогда не скандалила, сохраняя достоинство.

Я узнала о воровстве, о взятках, о дезертирах, о людях, для которых «война — мать родна». Например, когда мы ходили в лес за

грибами, очень боялись встретить дезертиров — они могли ограбить, отнять хлеб...

Конечно, были и другие люди, и думаю, их было гораздо больше.

Сначала папа привез нас в село Кундравы. Это бывшая казачья станица на берегу сказочно красивого озера, недалеко от Миасса. Все члены геологической партии жили в избе, в одной большой комнате. Спали на полу, у каждого рюкзак или чемодан и спальный мешок. Нам отвели место с краю.

Урал очаровал меня своей суровой красотой, и я полюбила его на всю жизнь. Улица, на которой мы жили, довольно круто поднималась вверх. Цепь гор, одна из них как огромная груда камней — розоватых, серых; другие покрыты травой или лесом. На каменную я любила забираться. Первый раз меня повел туда папа. Мы стояли, обдуваемые ветром, совсем близко к небу!

Я помню, как пошла в школу. Мама повела меня перед 1 сентября, а школа оказалась закрыта, и нет никакого объявления, ничего. Она поняла, что порядка не будет, и очень расстроилась. Идем мы обратно, а за нами бегут какие-то мальчишки и начинают дразнить: «А-а-а! Из Москвы драпали! Из Москвы драпали!» И мне ужасно показалось это обидно. Мать не отвечает и мне тихонько говорит: «Молчи, не смотри на них, идем». А я не могу выдержать — и язык им показала. Мать меня за руку дернула и говорит: «Я тебе что сказала?» Они опять: «Из Москвы драпали! Трусы, трусы!» Тут я опять повернулась и показала изо всех сил язык. Мать меня опять за руку дернула. Я и в третий раз не выдержала. И когда мы пришли домой, она меня разложила, и, вероятно, оттого, что ей было очень горько, она очень переживала, что мы уехали из Москвы, очень боялась этой войны, она взяла веревку и била меня так, что я потом три дня не могла сесть. Ну, я плакала, конечно, но и то не очень, и считала, что мать справедливо поступила. Я понимала, что у меня не было воли заставить себя не обращать внимания на этих мальчишек, поэтому я была виновата.